

ОАО «Минский подшипниковый завод»

УНП 100103346

Сухопутный моряк

Для нескольких поколений минчан парк Челюскинцев – культовое место. Кто-то любит здесь отдыхать, кто-то – назначать встречи, но практически каждому жителю нашей столицы, пусть и всего раз в жизни, это место чем-то запомнилось. Свойство человеческой памяти таково, что со временем многие события уходят на второй план, как бы «сбрасываются в корзину», говоря компьютерным языком. Но однажды возникает новый интерес: а что здесь было, какие события происходили, в честь кого или в знак чего данный объект получил именно это, а не другое название?

Так вот. Когда-то на месте нынешнего парка была окраина города, куда по улице Советской, ныне проспект Независимости, ходил трамвай. Он проезжал на конечную и разворачивался как раз там, где сейчас находится здание Детской железной дороги. Остановка называлась просто и емко – «Выставка». Название было несчастливым – здесь располагалась сельскохозяйственная выставка БССР. А сам новый парк в белорусской столице своим названием

отдавал дань памяти и уважения минчан участникам арктической эпопеи челюскинцев, которая началась в Мурманске почти восемьдесят лет назад – 10 августа 1933 года. К слову, семеро участников полярного похода парохода «Челюскин» были уроженцами Беларуси: минчанин Александр Мионов, выходец из Брагина Борис Могилевич, начальник научной экспедиции могилевичанин Отто Шмидт, уроженцы Витебщины Николай Ломоносов, Иосиф Малаховский, Алексей Харкевич и Александр Канцына.

Кто из них думал, что станет не просто свидетелем, но и участником событий на корабле, который мировая пресса назовет советским «Титаником»? Думаю, что никто. У каждого была своя судьба со сложными поворотами и зигзагами и своя сухопутная тропа, которая, в конце концов, привела всех их в море.

Время многое изменило в оценке тех далеких событий и, казалось бы, дало новый ответ на вопрос, что произошло тогда в Чукотском море. Но в потоке современных небылиц, слухов, домыслов и догадок остались письменные воспоминания о тех далеких событиях. Наш земляк Александр Евгеньевич Мионов оставил не только дежурные записки, но и подробно и четко описал, что видел, с кем встречался и как все происходило.

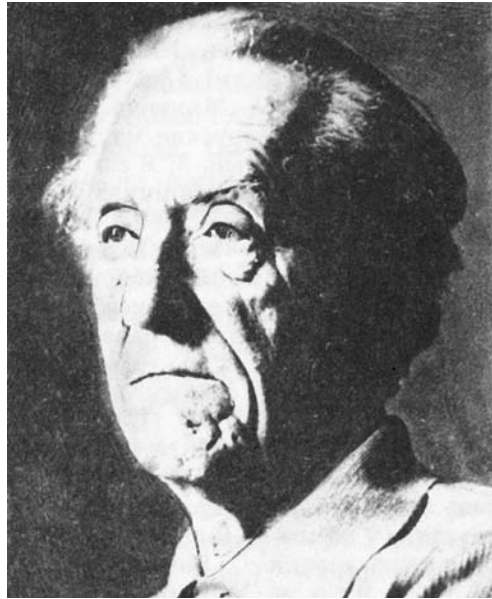
У каждого поколения минчан свой каркас и периметр родного города. Время меняет многое: город растет вширь и вверх, на месте старых зданий появляются новые, но бегущая строка памяти возвращает каждого из нас в ту исходную и отправную точку, которая запоминается раз и навсегда в раннем детстве. Детство – это всегда целостность и нерасчлененность, полное ощущение окружающего мира без его изъянов и недостатков. Вы можете не помнить, что делали вчера, но события многолетней давности воспроизводите в точных деталях и с такими мельчайшими подробностями, что собеседнику иногда кажется, что это не рассказ об увиденном и пережитом, а сказка.

...Для юного Саши Миронова, как и для всех мальчишек его поколения, Минск 1923–1925 годов – это, прежде всего, железная дорога. Вся жизнь крутилась и бурлила здесь. Хотя работали уже завод «Энергия» (ныне станкостроительный завод имени Октябрьской революции), выпускавший ручные соломорезки и конные плуги, и чугунолитейный (ныне станкостроительный завод имени Кирова), всю продукцию которого в то время составляли жестяные ведра, печные ухваты, чугуны, колосники да дверцы для дымовых печей.

В то время в городе было два железнодорожных узла – Виленский и Московский. С пассажирскими вокзалами, паровозными и вагонными депо, горками для формирования поездных составов и огромной товарной станцией. В этом же районе неподалеку располагались поликлиника с больницей и две школы: четырехлетка на улице Московской и семилетка – за мостом, отделяющим Московскую от Советской. Сейчас этой школы нет. На ее месте построен Главпочтамт.

На Московской улице и в отходящих от нее переулках и улочках стояли дома. Семья Мироновых жила в большом двухэтажном кирпичном доме Дрейцера на втором этаже. Рядом с ними жили Азаркевичи, Пекарские и Лившицы – полный интернационал того времени. На первом этаже дома располагались магазины. Но наиболее приметным местом во дворе Мироновых была кустарная колбасная мастерская Ротера.

У ребятни на Московской имелось одно преимущество – ни у кого не было поблизости таких «болотных джунглей» – не хуже бразильских. С Московской болото тянулось далеко в сторону Немиги, посреди него

◀ Александр Миронов

была чистая водная гладь, казавшаяся бездонной. Летом мальчишки на самодельный крючок из булавки, привязанный к суровой нитке, ловили карасей. А зимой это был казак для всех.

Но болото «безвременно погисло»: организатором его уничтожения был всем известный в то время главный врач железнодорожной больницы доктор Хундадзе. Его знал и уважал весь район, он принимал пациентов в любое время суток, а если кто-то предлагал плату за лечение, то Хундадзе грозно на него рычал. Стараниями Хундадзе и с согласия руководства железной дороги за несколько субботников болото было ликвидировано. Работы возглавил сам доктор. И в этот же год умер, простудившись под многочасовым холодным ливнем во время визита к больному. Хоронил его весь район, гроб с телом Хундадзе несли на руках до немецкого кладбища, сменяя друг друга, все жители улицы Московской. Сегодня уже ничто не напоминает минчанам о том болоте – на его месте стоит музыкальный театр.

...С замиранием сердца Саша Миронов переступил порог семилетней железнодорожной школы имени Червякова. Все было новым, с прежним почти домашним режимом обучения в четырехлетке, где учителя по-соседски водили дружбу с родителями школьников, пришлось расстаться. Для юного Миронова началась другая жизнь, с выходами в город. Выклянчив у родите-

лей деньги, Саша отправлялся в кино – в «Спартак», в «Чырвоную зорку» или «Интернационал». Кинотеатры находились в сотне метров друг от друга.

Учеба у Миронова пошла легко, но изучение родного языка давалось мальчишке с трудом. Домочадцы, привыкшие считать, что они говорят по-белорусски, даже не замечали, что на самом деле это был язык «интернационала» улицы Московской – смесь русских, белорусских, польских и еврейских слов.

Мать Миронова к тому времени работала актрисой Первого Белорусского драматического театра – БДТ-1, открытие которого состоялось 14 сентября 1921 года. Ныне это Национальный академический драматический театр имени Янки Купалы. До этого она была актрисой железнодорожного театра «Красный путь»: за громким названием скрывался ветхий дощатый барак, неизменно душный летом и насквозь продуваемый зимой.

Актеры железнодорожного театра репетировали вечерами дома у Мироновых, благо у них было четыре комнаты. Маленький мальчик и не догадывался, какие люди приходят к ним домой на репетиции. Коренастый, немного сутуловатый человек был для него просто дядей Ваней: он захаживал, когда актеры репетировали его пьесу «Раскиданное гнездо». А был это не кто иной, как Янка Купала.

Уроки истории и географии были любимыми у всех ребят в классе, в котором

учился Миронов. Они с замиранием сердца слушали учителя Ивана Михайловича Федорова. На его уроках им казалось: исчезают школьные парты, вместо них появляется Чудское озеро, где ратники Александра Невского топят псов-рыцарей, или Римская империя и ведущий рабов на восстание Спартак... Объемные картины мира возникали и на уроках географии. Ребята твердо верили: все, о чем рассказывает их учитель, он когда-то пережил сам. Иван Михайлович «путешествовал» со своими учениками от Минска до североамериканских прерий, где из последних сил бьются с бледнолицыми завоевателями краснокожие соплеменники Чингачгуга. Они даже спорили, где все-таки побывал учитель. Чтобы рассудили их, за помощью обращались к его сыну Федору Федорову – будущему академику-физику, Герою Социалистического Труда, имя которого носит сегодня одна из улиц Минска.

Иван Михайлович Федоров так заворочил ребят, что однажды Саша Миронов со своим другом Шурой Тарулиным решили попробовать сбежать в Америку. Подготовили компас на кожаном ремешке, два больших ножа и два пистолета-пугача. Продукты на дорогу припасали вместе – сушили сухари из хлеба, полученного дома на завтрак. Все это добро они хранили в картонной коробке на чердаке дома. «Торжественное отбытие» экспедиции назначили на воскресенье – за неделю до начала летних каникул. Но случилось непредвиденное: его мама, идя из театра, заглянула в школу, где ее в очередной раз «обрадовали» победами сына по математике. Надо сказать, что отношения Саши Миронова с учителем математики Иваном Доминиковичем Монцеводой всегда заканчивались неудом и пересдачей экзамена осенью. Так произошло и на сей раз. Пришлось Тарулину двинуться в путешествие одному с уговором встретиться в Одессе. Но встречи на Черном море не получилось – в Борисове транспортный милиционер поймал Тарулина и отправил домой. Узнав о происшествии, Иван Михайлович на уроке географии иронично и тонко заметил, что ребята не в Америку собирались сбежать, а в мечту. Учитель всегда был твердо убежден, что путешествия у них впереди.

Окончание шестого класса стало трагическим для Саши Миронова – умер отец. Школу пришлось оставить. Нужно было ис-

▼ Здание вокзала в Минске. 1920-е годы

кать работу, а учиться по вечерам на курсах. Правда, с работой в то время в Минске было сложно. На бирже труда предложений для всех не хватало. Помогла случайная встреча с учителем Иваном Михайловичем Федоровым. Он обещал помочь. Говорят, чудес на свете не бывает, но с Мироновым произошло именно чудо. Через два дня после разговора с учителем его берут чернорабочим на строительство минской обсерватории. В то время это была далекая окраина города: на месте будущей обсерватории когда-то находилось единственное в Минске мусульманское кладбище. Но его решено было снести. Почему, сказать трудно. Ходить на работу Саше приходилось пешком по полтора часа в одну сторону: денег на проезд не было. А после возведения обсерватории Миронова послали строить шоссе Минск – Могилев в район Красного урочища, сейчас это район Минского автозавода.

Но работой жизнь молодого человека не ограничивалась. Тяга к знаниям владела им безраздельно – читал он всегда и везде. Как-то, встретив своего друга Бориса Захоща, он обменялся с ним мнением о новой прочитанной книге. Это была повесть Янки Мавра «В стране райской птицы». Внутреннее чутье подсказало юному Миронову: прочитанное напоминает ему то, что он уже когда-то слышал. Но друг Борис был неумолим – такое мог написать только англичанин или американец, а никак не твой учитель географии. В довершение спора он предложил Миронову самому спросить об авторстве книги у своего учителя. Стеснительность не позволяла Миронову напрямую обращаться с таким вопросом к Ивану Михайловичу Федорову. Все снова решил случай. Однажды Миронов встретил учителя в обществе писателей и понял, что он и есть Янка Мавр...

С учебой в университете ни у Александра, ни у Бориса ничего не получилось. Миронову пришлось ехать в Могилев к дальнему родственнику. На заводе «Красный возрожденец» он работал обрубщиком отливков в литейном цехе. Но через три месяца по сокращению штатов Миронова уволили, а биржа труда направила в приграничный район в Колосово строить узкоколейку. Впервые в жизни на заработанные деньги удалось купить костюм. Но дорогу закончили строить, вновь пришлось искать работу. Вдруг удача опять улыбается Миронову – его

◀ Янка Мавр

берут на работу внештатным корреспондентом в газету «Звезда». Испытательный срок подходил к концу, но репортерская фортуна не оставила нашего героя. «Неслыханная эксплуатация батрака-француза» – с таким заголовком, набранным крупными буквами, в 1930 году «Звезда» сообщила своим читателям об исключительной истории. В первой своей крупной заметке под собственным именем Александр Миронов рассказывал о судьбе французского солдата Марселя Бако, в течение долгих 11 лет находящегося в кабале, а фактически в рабстве у хозяина хутора Садки Смолевичского района матерого кулака Зенкевича. Воспользовавшись тем, что француз боялся расстрела за добровольную сдачу немцам в плен во время Первой мировой войны, Зенкевич спрятал Бако у себя на хуторе и с 1919 по 1930 год эксплуатировал. И, конечно, скрывал от него все грандиозные политические события, которые произошли за это время в мире. Все эти годы он держал француза в глубокой яме, специально вырытой в хлеву! Во время коллективизации благодаря репортеру Миронову эта информация стала известна всем.

После публикации в редакцию позвонили и попросили Александра Миронова к телефону. Взяв трубку, он услышал знакомый голос. Ему звонил Янка Мавр. Сюжет статьи заинтересовал писателя. Он посоветовал

товал Миронову написать об этом повесть, уж больно неординарным выглядело событие. Но в планах 20-летнего Миронова писательство не значилось. Ему продолжали сниться, как он потом вспоминал, манящие цветные сны: «Ни «Красного возрожденца», ни приграничной узкоколейки, ни даже теперешней редакции газеты в них не было. Было другое: расплывчатое, голубовато-белопенное и зыбкое. Откуда? Ведь я еще ни разу не видел моря». И он уезжает вместе с Борисом Захоцем в Архангельск. Бориса берут коچهгаром второго класса на ледокол «Седов», а Миронова – матросом второго класса на ледокол «Малыгин». Неведомое море позвало его в путь!

Единственное, чего удалось добиться Янке Мавру от своего ученика, – это обязательства записывать в дневник все, что он увидит. Миронов сдержит слово и со временем станет одним из самых известных писателей-документалистов, описывающих морские походы. Они пойдут по жизни вместе с Янкой Мавром. До самой смерти белорусского классика их отношения будут гораздо глубже отношений ученика и учителя. Наталья Ивановна Мицкевич, невестка Якуба Коласа и дочь Янки Мавра, в последнем своем интервью незадолго до смерти говорила, что ее отец относился к Александру Миронову как к собственному сыну. Они и жили практически рядом – Мавр в писательском доме по улице Энгельса, а Миронов – по улице Янки Купалы.

Уже на склоне лет Александр Миронов в своей повести-воспоминании «Дед Мавр», посвященной Учителю, четко разделит два понятия, актуальные во все времена, – учить и воспитывать. Без детских обид – какие обиды, когда тебе за семьдесят! – он разделит эти два понятия и даст свое точное и очень пронзительное определение «Учителя» и «учителя». «Иван Доминикович Монцевода, учитель математики, тоже, по-своему добросовестно, учил нас, «червяковцев». И если бы все остальные учителя были такими, как он, мы покидали бы школу не окрыленными верой в будущее юнцами, а пришибленными тихонями, из которых со временем вырастают и приспособленцы, и подхалимы, и способные на любую мерзопакость карьеристы. Потому что одних лишь педагогических знаний, умения преподавать предмет от корки до корки по учебной программе ничтожно мало. Для формирования психики, миро-

воззрения, характера, душевной чистоты школьников необходимо гораздо большее. И это гораздо большее вмещает в себя то, что принято называть воспитанием детей».

Янка Мавр делал из своих учеников личностей. И это правда. Читаю еще раз воспоминания Миронова, которые написаны о событиях 90-летней давности, а как будто это сказано о вчерашнем классном собрании у сына в школе. Хороший учитель – это подарок судьбы, это как выигранный лотерейный билет в будущее. Для очень многих выпускников «червяковки» таким учителем был Янка Мавр, 130-летие со дня рождения которого мы будем отмечать 11 мая этого года.

По первоначальной задумке автора в этой статье должен был быть один герой – Александр Миронов. Но судьбы Александра Миронова и Янки Мавра настолько тесно переплелись, у этих двоих столь разных личностей было столько точек соприкосновения, что невольно задумываешься о другом: биография Миронова – это биография его поколения, и, как ни крути, разговор нужно вести не просто о человеке, а о человеке и его времени.

Пару лет назад в журнале «Польмя» дочь Ивана Михайловича Федорова, которого мы все знаем как Янку Мавра, по настоятельной просьбе своего супруга – сына Якуба Коласа Михаила Мицкевича опубликовала книгу воспоминаний «Доўгая дарога (ад дома Янкі Маўра да дома Якуба Коласа)». С предельной искренностью и добротой в ней описаны перипетии жизни того времени, многое из того, чего мы не знали, что тщательно скрывалось в советское время.

Жизнь Янки Мавра – сюжет для телевизионной саги. Потерявший работу в школе в деревне Бытча, что в пяти километрах от Борисова, он устроился домашним учителем шестерых внуков священника Федора Адамовича. Поповна к тому времени была вдовой, и сельское общественное мнение озаботилось проблемой: как может жить в ее доме молодой холостяк. Постановка вопроса со стороны Варвары учителю была четкой и простой: или женись, или уходи. Спустя много лет он с улыбкой вспоминал, что женился на детях, к которым успел привязаться. У Янки Мавра было космически большое сердце. Казалось, что в нем есть место для всей детворы мира.

Игорь САЛТЫКОВ

